

Женщина, стоящая внимания

Улита Присенко

Улита, подбоченясь, взирала на колокол и все ему причитающееся - язычок, ворота и даже узкую тропинку. Ну вот, она дошла, красавица, а ее никто под белы ручки не встречает, и поклоны ей в землю не бьет, и не радуется ее появлению тут. Проворонили. Проглядели. Прохлопали глазоньками. И Улита решила это упущение обязательно исправить, жестом, не лишенным изящества, подергав за язычок колокола, да так, что по всей округе разнесся чистый колокольный звон. Ну, встречайте гостью, хлопчики монахи.

А настроение у Улитки было дивное - закутанная в цветастый шерстяной платок по самые брови, да в полушубке теплом, так и рвалась в пляс - дошла же, нашла монастырь странный, неужели тут и придет ее злключениям конец. Не могла же бабка соврать, ну точно тут избавят от хвори какой проклятой. А как вернется Улитка в родной хутор, так сразу вокруг нее мужиков выстроится - выбирай не хочу, хошь этого, хошь того, и все на руках носить будут, целовать и любить по самый гроб жизни. Эх, вот она, девоньки, жизнь-то счастливая. И забор ей сразу подправят, и оконца покрасят голубой краской, и, чай, загон для курей нормальный сделают, чтоб лисы не таскали. Все в хозяйстве мужик-то пригодится.

Улита деловито осмотрелась, выудила из сундучка зеркало с помадой, да принялась губы красить, пристроившись на крупном камне возле ворот. А то выйдут ее встречать, а она неприукрашена - стыда ж не оберешься, как Дуся какая с мыльного завода. А она, чай, не девка уже, ей роскошь во всем нужно соблюдать. Да и зря что ли тацила. Накрасившись, Улитка с удовольствием вздохнула - кому ж красота-то такая достанется - спрятала помаду обратно в сундучок, сунула его под мышку, и еще раз дернула за язычок, для верности. И вновь по округе чистый звон колокольный, век бы слушала.

Ши Нью

В последнее время мысли Нью постоянно были заняты одним вопросом, ответ на который он искал уже много лет. Много философов, теологов и религиоведов поломали копыя в ожесточенных спорах, и все казалось, что ответ где-то на поверхности, что его можно поймать, как птицу за хвост, но в последний момент логика рассуждений снова и снова ускользала. А размышлял Нью об иллюзорности дхарм — являются ли они единственной реальностью в иллюзорном мире, или дхармы есть такая же иллюзия, как и все остальное.

Если взять совокупность всех чувственных модальностей в условно наименьший момент времени, скажем, сию секунду, то можно предположить, что холод ветра, синева неба, яркость солнца, запах ладана от храма и звон колокола у ворот все же реальны в определенное мгновение. Кстати, звон колокола у ворот. Нью даже расстроился, что нужно идти встречать посетителя, не доведя умозаключение до конца, потому что снова у него возникло ощущение, что он вот-вот поймет правильный ответ. Но в Линь Ян Шо действовали законы гостеприимства, и было неправильно заставлять нового гостя ждать у ворот.

Ши Няо подошел ко входу в монастырь и увидел посетительницу, на которую было сложно не обратить внимания. Даже как-то подумалось, что в этот момент дхармы казались железобетонной реальностью, потому что не может столько колорита какой-то из европейских стран быть просто иллюзией. Женщина была довольно молодой, ярко покрашенной и немного странно одетой, а её внешность не могла не запомниться кричащей демонстративностью, которую почему-то невозможно было счесть вульгарной. При этом Няо однозначно понимал, что гостя – не ученица, а, значит, либо новый мастер, либо обитатель Храма Мудрости. Он вежливо поклонился.

- Добрый день, добро пожаловать в Линь Ян Шо, - произнес мастер с вежливой улыбкой. – Мое имя Ши Няо, могу я узнать, как Вас зовут? – он говорил на китайском и надеялся, что его поймут.

Улита Присенко

Батюшки. Матушки. Улитка даже ойкнула, когда ей в ноги бить поклоны бросились. Вроде бы и ждала, что будут, так вот ведь все равно удивилась. Ну чего она, она ж тоже не пальцем деланная, чай, и в школе обучена. Недолго думая, Улита отвесила широкий, с размахом, до земли, поклон. Платок, с таким трудом посаженный на голову, сбился, соскользнув на спину и, выпрямившись, Улитка сдернулась его с головы. Даже покраснелась от удовольствия, вот до чего все гладко складывалось.

- И вам доброго здоровьица! Как тебя от радости-то повело, - довольно сказала Улита, увидев столь яркое подтверждение своей сногшибательной красоты. - Рідну речь аж забул. Да ты не волнуйся, не чирикай, вспоминай, я ж не поспішаю.

Того странного языка, на котором вдруг начал говорить молодец (ну или не совсем молодец, но монаху вроде бы положено быть умудренными годами, иначе что ж это за монах, курам на смех) Улитка не знала. Она вообще иностранщиной не занималась. Поэтому и сказанного ей не очень-то и поняла. Что списала на волнение от встречи. Чай, нечасто они тут женщин-то видят, роскошь такую, вот и немудрено язык проглотить, да начать всякую тарабарщину нести.

- Ты вспоминай, вспоминай, - ободряюще велела Улита, присаживаясь на камень обратно, больно уж удобный, а потом улыбнулась ласково, как улыбаются детям. - А я посижу, больно уж к вам дорога сюда крута, шла и шла, притомилась. Улитой меня зовут. Права бабка была, грит, иди в монастырь, мила, допоможуть тебе. Я все думала, шуткует бабуся, не мудрено на старости нет, а вот все одно пошла. А зараз дивлюся - стоит монастырь, нікуди не делся. Ну, думаю, ай да бабуся.

И вот ведь знала, старая, что монастырь тут стоит, который еще поискать надо в седьмом поту да с пеной на губах. Улитка накинула платок на плечи, поправила толстые косы, да и воззрилась на гостеприимного хозяина, что от удивления все слова не мог вымолвить. Надо было ей как-нибудь поаккуратнее что ли, кто ж знал, что они такие впечатлительные, стоит столбом, не телится. Улитка похлопала ладонью по камню рядом с собой, мол, присаживайся, чего ж стоишь, вместе подумаем, за жизнь поговорим.

Ши Ньяо

Гостья ответила на приветствие довольно странным поклоном и заговорила на своем языке, о котором Ньяо понял только то, что это – не английский. А еще красна девица почему-то села на камень вместо того, чтобы заходить в ворота монастыря, но не было видно, что она стесняется или чего-то боится. Даже вон пригласила присесть рядом с ней. По мнению Ньяо, погода не очень располагала к беседам на свежем воздухе, он считал, что в традициях гостеприимства должен проводить гостью в столовую и хотя бы угостить её чаем.

- Тяньчи бу тай хао, тсин цзин*, - сказал мастер, указав на ворота, и приветливо улыбнулся. – Дуй бу чи, во бу хуэй ниде ю**, - добавил он.

Линь Ян Шо обычно сам приглашал тех, кому было суждено оказаться в этом монастыре. И почти всегда новых посетителей встречали как минимум те, кто мог с ними объясниться. Ньяо же совершенно не понимал странную иноземку, он даже не мог сейчас сообразить, кто из мастеров или учеников мог бы помочь с переводом. Он мог лишь догадываться, что эта женщина откуда-то из Восточной Европы или России, и то догадки основывались на том, как выглядела одежда гостьи.

На центральной площади, как назло, в этот момент не было никого из европейцев, а из тех учеников, кто сейчас наводил порядок возле храма, никто не знал европейские языки. При этом Ньяо мог бы общаться с гостей ментальными образами, но считал, что сейчас будет невежливо вмешиваться в её мысли, хоть и заметил, что у неё нет ментального щита. Вот вам и реальность иллюзорных дхарм, когда от понимания иллюзорности мира сложность не становится менее реальной.

*Погода не очень хорошая, пожалуйста, заходите

**Простите, но я не знаю вашего языка

Улита Присенко

- Вот тебе и тсин цзин, - подтвердила Улита, видя, что присоединяться к ее посиделкам мужчина не собирается. Боится что ли? И тут одни сплошные разочарования - ге ж нормальные мужики-то все порятились, какие-то робкие пошли, прям не тронь - убьешь ненароком. А ежели в постели обнять вздумаешь - так он с воплем выскочит? Тьфу, беда одна. Что значит это загадочное тсин цзин, Улита, конечно же, не знала. Да и мож ругательство какое, а она женщина приличная, воспитанная, а уж ежели и придется приложить крепким словцом, так она это попонятливее сделает, а то ведь и не сообразишь никак, то ли в гости позвали, то ли к черту послали. Но лицо вроде благообразное, да и манеры хорошие, к черту с такими лицами не посылают. Значит в гости зовут. Она же гость.

-Ба, болезный, ты по-нашенски не разумеешь, - поняла Улита, вставая с камня. - Тяжко тебе, небось, приходится. Ну ничего, ничего. Ты, главное, не волнуйся. Улита, - с последними словами Улитка приложила ладонь к выдающейся груди и еще раз улыбнулась, мол, знакомиться будем по-новой, коли с первого раза не вышло. Улитка никогда не отчаивалась с первого раза - ну, подумаешь, не понимает она его, так ведь не в этом счастье. Главное, чтоб он слушал.

Женщина подошла вперед, поближе к воротам и хозяину (именно в такой

последовательности) и повнимательнее рассмотрела монаха. Монах, как монах, ничего не обычного, разве что на ихнего батюшку совсем не похож - у того борода аж следом волочится, да и пузо святой отец такое отрастил, что сначала оно в церковь заходит, потом уж сам батюшка. Прости Господи, рабу твою грешную за богохульство. Так ведь правду молвит, куда ж это годится, когда из-за живота ног-то не видно? Словом, не похож был монах на батюшку.

- Ну чего, родный, гостей на пороге так и будешь держать? Веди, куда там надо, я уж смирно пойду, - Улита всем своим видом буквально выражала покорность судьбе, однако, готовая, если что, этой судьбе руки-то поотрывать, ежели понадобится. Чай, она тут не просто так, она по делу пришла. Ведите ее к лекарям да знахарям, порчу снимать. У нее хозяйство без присмотра осталось, разве ж можно надолго?

Ши Ньяо

Гостья говорила так, будто все еще надеялась, что Ньяо начнет её понимать. Но, к сожалению, он еще не постиг смысл бытия настолько, чтобы играючи переступить языковой барьер. Он понял лишь тот момент, когда гостья представлялась, и даже почти не отвлекся, проследив взглядом за её рукой. Ши Ньяо не был монахом, просто вот уже много лет его интересовали несколько иные темы, чем общение с противоположным полом. Он думал о Сансаре. О дхармах, Будде Шакьямуни и грядущем пришествии Майтрейи. О стилях каллиграфии и живописи, философии даосизма, моизма и легизма. Он попросту не обращал внимания на вещи, которые считал более приземленными, но сейчас почему-то задержал взгляд на полсекунды дольше, чем считал бы отсутствием внимания.

- Ши Ньяо, - представился мастер в ответ, также коснувшись рукой груди, хотя ему было бы привычнее указать на свой нос. Он снова чуть поклонился. — У-ли-та, - задумчиво и с тонами повторил он имя, которое услышал (или слово, которое показалось ему именем), затем зашел в ворота и повел гостью в сторону жилых построек.

Допустим, напоить Улиту чаем и даже накормить с дороги он мог бы и не понимая, о чем она говорит, но что делать с этой иностранкой дальше? Показать ей любую из свободных комнат в жилом корпусе, сообщить настоятелю. В Линь Ян Шо никто не попадал просто так, возможно, этой странной женщине нужна помощь, но как понять, что ей нужно? Пришла ли она за знаниями, в поисках лекаря или просто ищет убежище как можно дальше от привычного для неё мира? И как она умудрилась добраться до монастыря, не научившись понимать даже простые фразы на путунхуа? Ньяо сомневался, что его едва уловимый южный акцент может сильно помешать восприятию его речи.

- На ши шитхан*, - сказал мастер, указав на столовую, находившуюся на другом берегу ручья. — Сьенцзай вомэнь итси тсю нар хе чха. Ни яо чифань ма?**

* там столовая

** сейчас мы идем туда пить чай. Ты хочешь есть?

Ой, гляньте ка, как бачит, Улитка ажно ахнула и в аккуратные ладоши хлопнула. А ужо совсем решила, что не понимает ничего, ан нет, каков проказник, и имя-то повторил, да как складно-то случилось у него. Улита расплылась в улыбке и повторила: - Улита, - и снова приложила руку к необъятной груди. А чо ж с ним ищо делать-то, с таки-то неразумющим, только что и остается как имечко свое называть, да чужое выслушивать. Да только вот не уловила ответного имени, да и переименовала его по-своему. Ньюша, стало быть. Ну и странные имена у монахов этих, только диву даешься.

- Та не квакай уж, не квакай боле, як ты как лягушка, - великодушно разрешила Улитка, ни словечка ни уразумевшая из сей странной речи монаха. - Коли не бачишь по-нашенски, так хошь, я тебе песню спою, ну, слухай:

Росла, росла дивчинонька,
Тай на поле стала...
Ждала, ждала миленького,
Тай плакаты стала...
Ой, горенько мени з тобою,

- сильным голосом провела Улита, всеми своими силами пытаюсь неловкость между двумя, значитца, национальностями сгладить, да, авось, привлечь внимание кого-нибудь разумеющего да хоть бы по-человечески разговаривающего. Вот хоть бы кого-нибудь, не можно ж так, идти невесть куда, а куда-не знать и не представлять.

- Куда ты мени ведешь-то все, родный? Я уж и так долгохенько шла-шла, вон, все ноги изошла, и все ты мени ведешь и ведешь, - привычно перескакивая с русского на мову, тараторила женщина. - Совсем спорчу ноженьки, а коли приведешь куда в место нехорошее, так я тебя поколочу, ей-маты, поколочу, и не гляну, что блаженный ты.
